

Павел Парфин

Юродивый Эрос

Павел Парфин

Юродивый Эрос

«Автор»

2014

Парфин П.

Юродивый Эрос / П. Парфин — «Автор», 2014

Книга Павла Парфина «Юродивый Эрос» – откровения виртуального юродивого. Действие происходит в обычном украинском городе. Вторая сюжетная линия повести развивается в параллельном мире – виртуальной Древней Руси. Молодой человек по прозвищу Эрос совершает поступок, который, как ему кажется, приводит к гибели знакомого парня: Эрос заходит на виртуальное кладбище и, смеха ради, «бронирует» товарищу могилу и назначает дату смерти. После чего приятель исчезает. Эроса одолевает острое чувство вины и желание искупить ее. Случайно, войдя в интернет, Эрос попадает в виртуальный мир – Древнюю Русь, существующую параллельно с обычной реальностью. Надев рубище, Эрос становится юродивым, своими страданиями и подвигами он отмаливает свой грех. После этого он возвращается в реальный мир. Выясняется, что пропавший товарищ жив.

© Парфин П., 2014

© Автор, 2014

Содержание

1	5
2	7
3	12
4	16
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павел Парфин

Юродивый Эрос

1

– У вас нет ничего святого! – раздраженно произнес Петр Васильевич и с явным неудовольствием двинул от себя стакан с чаем. Тот едва не опрокинулся – словно вторя гневу хозяйина, плеснул на скатерть светло-янтарную струю кипятка, заметно обесцвеченного долькой лимона.

– Святость связывает, – безапелляционным тоном заявил Кондрат. Затем хищно улыбнулся – в тот момент показалось, что его зубы сплошь состоят из одних клыков. – К тому же у меня аллергия на запах ладана. Меня тошнит от него.

– Боже, да в твоей душе черт живет! – Тимченко-папа не на шутку вышел из себя. Он вылил чай в раковину, плеснул в стакан водки. В горячий стакан – водки.

– И мне, – я протянул чашку – черной слезой на дно ее скатилась капля кофе. Петр Васильевич проигнорировал мою просьбу, убрал водку в холодильник. Я не обиделся. Потерев переносицу, чтобы скрыть рвущуюся наружу улыбку, поддержал друга. – Чрезмерная религиозность и набожность привели мир к однополой любви – к непорочному зачатию.

– Чушь! Это происки безбожников! – скривившись, как от зубной боли, Тимченко-папа помотал головой.

– Хорошо, па, мы будем иногда вспоминать бога, – из коридора донесся голос Ален. Накрашенная, пахнущая немыслимым букетом соблазнов, одетая в обтягивающие голубые джинсы, она присоединилась к нашей компании. Я заметил, как Палермо проглотил слюну. А я... Если бы я не был Эросом, я бы, наверное, влюбился в Ален.

– Ты не против, если мы будем вспоминать бога хотя бы иногда? – поцеловав отца в щеку, Ален заглянула ему в глаза. Она искала примирения, но, я видел, в уголках ее губ затаилась озорная усмешка.

– Ну-ну, когда-нибудь поразит тебя Господь, – проворчал Тимченко. Сейчас он не казался таким уж грозным – водка сделала свое дело.

– Какой-то вы, Петр Васильевич, набожный чересчур, – волнуясь, заметил Палермо, при этом искоса поглядывая на Ален. Машинально я проследил за его взглядом: вот чудак, он пялится на ее грудь, сосками едва не проткнувшую футболку. – У вас ничего не болит?

«Ну и ну, он еще спрашивает, – я усмехнулся в душе, – это ты, дружок, болен».

Ни слова не говоря, Тимченко вышел из кухни. Вдохнув, Ален улыбнулась.

– Стареец отец... Но мы никому не расскажем об этом.

Мы отправились в город, не поблагодарив Тимченко-папу за чай: Петр Васильевич так и не вышел к нам попрощаться. Неспешным шагом, точно четверо бывалых стalkerов, дошли до центра. Вечер еще запрашивал у города разрешения на посадку; недавно прошел дождь; воздух, свежий и пряный, радовал легкие, будоражил воображение, пробуждал желания, пока такие же несмелые, неоформившиеся, как узоры капель на лапчатых листьях каштанов.

Кондрат и Палермо шли впереди – не глядя под ноги, то и дело ступая по джинсовым лужам. О голый череп Палермо беззвучно разбивались тяжелые капли, нет-нет да срывавшиеся вниз с мокрой ливни. Жестикуюлируя, ребята о чем-то оживленно спорили. Я не прислушивался, тем не менее уловил слово «веб-буддизм», несколько раз с жаром произнесенное Кондратом. Веб-буддизм – новое увлечение Кондрата, в сущности, его открытие. Так говорит о веб-буддизме сам Кондрат. Он гордится тем, что ему первому пришли в голову, как он любит выражаться, «поворотные фишки»: веб-буддизм, сеть-атман, эго-пастух... Кроме него, все эти

навороченные словечки пока слышали только двое – Палермо и я. К сожалению, сейчас я могу вспомнить лишь обрывки его пламенной речи:

«...Интернет – сосуд, в котором сообщаются наши желания... Говорю тебе: ты несвободен, потому что являешься рабом своих желаний. Из них, как из электронов, состоит твой атом духа – твоё эго... Эго – пастух, что каждое утро гонит тебя на пастбище сансары. Гонимый эго, ты вынужден реинкарнировать – каждый день, каждый час, каждый миг! Совершая одни и те же ошибки и пустые дела, связывая свою жизнь с нелюбимыми людьми и ненавистными обстоятельствами, продолжая играть в нежеланную игру... Интернет – атман нового века, истинное „я“, что стоит над всеми пользователями и непользователями Сети. Интернет-атман стоит, возвышаясь над нашими алчными эго. Отними у эго желания, отпусти их в Сеть-атман – пусть ищут свой путь наугад. Мощный драйв атмана неизменно преобразит твои агонизирующие желания: из вялых яблок они превратятся в сочные плоды, желанные и доступные бесчисленным пользователям Сети. Но и ты не останешься в стороне. Интернет-атман щедро наделит тебя чужими, а значит, не испытанными доселе желаниями. Обретя новый жизненный заряд, до краев наполнившись коллективным „хочу“, ты, может быть, впервые сможешь взглянуть на себя со стороны – оценить и изменить своё эго. Обладая частицами чужих эго, обогащенных, как руда, в горниле Сети, ты отныне сможешь управлять своим эго, навсегда избавившись от его хозяйской опеки...»

Ален тоже присутствовала на той знаменитой дискуссии, когда Кондрат объявил о начале новой эры – эры веб-буддизма. Но я не уверен, что тогда Ален слушала его. Слушала, не слыша, с головой, с мочками красиво слепленных ушей погружившись в близкую лишь ей нирвану – любовь. Ален банально втрескалась в меня, а я... Повторяю: будь я не Эрос, обязательно бы влюбился в нее.

Мы отстали с ней. Я осторожно вдыхал запах ее волос, пахнущих липовым цветом и неразделенным счастьем. Она, запустив руку в карман моих джинсов, гладила мое тело. Ну что возьмешь с влюбленной женщины?

Так и дошли до угла, где Петропавловская пересекается с Первомайской, – безмятежно шлепая по лужам, доказывая преимущество новой религии и совершенно не стесняясь вставшего члена, ненароком разбуженного горячей девичьей рукой.

2

Здесь интернет-кафе – цель нашего недолгого променада. Интернет-кафе прозвали Склепом, потому что оно находилось в подвале жилого дома. Но, по мне, назови его хоть бункером – главное, нам нравилось в нем тусоваться. Частенько мы убивали в нем время и друг друга: рубились в «контра страйк» или «квейк», лазали по всемирной паутине – по атману, как говорит Кондрат – как одержимые, ища подтверждений его теории. Но настал день, когда все наскучило: достали онлайн-мочилочки, неопровержимых доказательств не было и в помине, вместо них все больше попадались новые порносайты и дебильные авторские странички. Нам резко все набрыдло. Мы продолжали ходить сюда по привычке, из уважения к Склепу и детям подземелья – ведь все они классные пацаны. Как и раньше, мы пили здесь пиво и лонгер, не таясь, пускали по кругу косячок. Как и раньше, на глазах у всех Ален демонстрировала любовь ко мне. Она такая, и я не могу по-другому. Ведь я Эрос.

Когда однажды... Да что там – это случилось два дня тому назад. У Палермо болел зуб, Ален ездила с отцом на дачу, а я просто хандрил, запершись в своей комнате. Поэтому Кондрат вынужден был ходить в Склеп один. Вот тогда-то он и отыскал в сети «Сайт мертвых». Говорит, совершенно случайно наткнулся на него. Но я ему не верю. Наверняка это как-то связано с его долбаным веббуддизмом.

– Ну, давай показывай, – голос Палермо заметно дрожал, гладко выбритый череп покрылся каплями пота. Неясно только, что его так возбудило – ожидание сногшибательного открытия или натянувшаяся на груди Ален футболка. Боже, ну трахни ее в конце концов!

Я отвернулся, больше не в силах выносить дурацкое зрелище, но увидел картину не лучше. Передо мной, за столами, поставленными в два ряда, сидело человек двадцать геймеров. Их лица, обращенные в мониторы, мягко говоря, не вызывали симпатии. Азарт и, казалось, совершенно необоснованная ненависть на свой лад слепили из них маски. Время от времени, крича страшными голосами, они перебрасывались друг с другом командами-кодами, понятными одним только им... Странно, чему я так удивляюсь? У всякого геймера такое лицо, когда он убивает. В команде или в одиночку – убивает. Бывают рожи и похуже, когда, помимо страсти и ненависти, на них можно распознать знак проклятия – едва уловимый, на миг-другой всплывающий из самых глубин сознания. Отметив собой, как оспинкой, фейс очередного геймера, такой знак вновь растворяется в его зачумленном игрой взгляде. Бр-р!.. Но все-таки странное дело, чему я так удивляюсь? Ведь еще два дня назад я приходил сюда убивать. Как они – убивать.

Когда я снова повернулся к ребятам, Кондрат, как у себя дома, расхаживал по «Сайту мертвых». Я всмотрелся: карта сайта – типичный план кладбища: крестики повсюду, могилки, надгробные камушки... Ну и ну! Мне начинало это нравиться. Хм, даже могилку себе можно забить.

– «Займи местечко», – с невероятно томным придыханием, будто предлагая секс по телефону, прочла Ален и ткнула пальчиком в точку на мониторе. – Хочу здесь!

– погоди, успеешь еще, – Палермо инстинктивно схватил Ален за руку, словно она могла и вправду броситься занимать местечко на виртуальном кладбище. Боже, вы только гляньте на Палермо! «Погоди, успеешь еще». Щенячья нежность!.. Как же все-таки он любит ее. Я искренне завидовал Палермо, но Ален мне ничуть не было жаль. Ведь она любила меня.

– Да пускай займет, – вдруг поддержал Ален Кондрат. – Классный приколот – выбираешь могилку и... А черт его знает, что будет потом.

– Неужели? – ухмыльнулся я. – Ты же всегда все знаешь.

– А давайте прикольнемся... над кем-нибудь? – Палермо загорелся, вдохновленный, видимо, только-только пришедшей в его бритую макушку идеей.

– Например, над Андрюхой, – подсказал я. И чего это я вдруг вспомнил Андрюшку Карпова? А фиг его знает.

– Ну хоть бы над Андрюхой, – с явной поспешностью согласился Палермо. Что, дружок, кишка тонка самому выбор сделать? – Андрюха мне вчера о своих жизненных планах рассказывал. Так их за сто лет не осилишь.

– Вот мы ему и поможем, – Кондрат гадко осклабился. – Ну, какой срок назначим ему?

Я с нарочитой серьезностью наморщил лоб:

– Предлагаю пару дней на раскачку.

– Принято. Ален, вбивай, – приказал Кондрат. Я заглянул из-за его плеча: в окошке кладбищенского меню Ален набрала: «13 августа».

Нам сразу же стало скучно.

– Ну, чего здесь еще клевого? – не стесняясь зевка, спросил-пропел Кондрат. Перебивая друг друга, стали читать меню:

– «Начальник кладбища», «Похоронная процессия», «Церковь», «Покойническая», «Некрологи», «Привидения», «Вурдовампы», «Трактир „Черепок“, „Переписка с духами“...

– Давайте вурдовампом покликаем.

– Постой, это, кажись, грызуны из семейства вампиров?

– Банально.

– Да, согласен, надоело.

– Тогда сходим в церковь. Эрос, ты давно был в церкви? – не моргая, Кондрат смотрел на меня. Ну, чего ты уставился?

– Не помню. Вроде бы на Пасху.

– Надо же. А ты, Палермо?

– Чего я в ней забыл? – Палермо невольно попятился. – Ты ж сам говорил: „Святость связывает“.

А я ни с того ни с сего разозлился: – Ладно, хватит трепаться. Зайдем...

– Так я о том же: зайдем, помолимся, – резво подхватил Кондрат. Скосив взгляд на Ален, усмехнулся. – Расскажешь потом папику, чтобы в следующий раз не упрекал нас в безбожии.

– Не в безбожии, а в отсутствии святого у нас, – со знакомым придыханием поправила Ален.

– А, один черт! – Кондрат от души клацнул по мышке – и мы вошли в церковь.

– Ну и церковь! – присвистнул от неожиданности Палермо и немедленно провел рукой по голой макушке, словно проверял, все ли у него цело или, наоборот – не выросло ли чего лишнего.

– Да-а, если это церковь, то я Николай Угодник, – скорчил гримасу Кондрат.

– Гляньте, стены пулями изрешечены, – сложив руки лодочкой, в безотчетном порыве Ален поднесла их к губам. Казалось, еще миг и она зашепчет... Неужели Ален знает молитвы?

– Ох, ни хрена себе! Да здесь настоящее побоище было! Кровищи-то сколько! – Палермо нервно тер лоб.

– Тыфу, какой ты впечатлительный, – я поморщился. Что-то Палермо сегодня на редкость эмоциональный. Достал уже. – Обычная игрушка.

– Как сказать. Разгромленный храм впервые вижу. Тем более виртуальный. А там что? Кондрат, добавь четкости.

Кондрат навел курсор на точку в верхней части экрана.

– Судя по всему, здесь алтарь. А вот... Похоже на икону. Поглядим.

– Нда-а, точно богохульник здешний модератор, – Палермо с многозначительным видом покачал головой. Бритый череп его снова вспотел. Волнуешься, дружище? А мне так по барабану: мало, что ли, грязных картинок видел на своем веку?.. Краем глаза поймал Кондрата –

тот с напускным безразличием закуривал. А ведь курить в Склепе строго запрещено!.. Ален как бы невзначай полезла в сумочку – не знала куда спрятать глаза. Да что это с ними?

– С чего ты взял, что эта мазня – икона? – выпустив струйку дыма, наконец спросил Кондрат.

– Так ведь распятие! Вон гвозди из рук торчат.

– Ага, на голове Иисуса рожки, а между ног член стоит. Короче, как и должно быть на иконе. Так что ли, Палермо?

– Ну-у...

– Ладно, побачимо, що цэ за искусство такэ. Та-ак, – Кондрат водил мышкой, Палермо боялся отстать взглядом, мы с Ален переглянулись – впервые за вечер мне захотелось трахнуть ее. Возможно, лишь затем, чтобы как-то выйти из этой дурацкой игры.

– Белые облака – это просто белые облака, мудаки – это просто мудаки, – вспомнил свое любимое Кондрат и... замер. Видимо, наткнулся на новое религиозное чудо. Так и есть. – А это кто рядом, а, Палермо?

– Черт, откуда мне знать, что там за придурки?!

– Темнота, – Кондрат презрительно поморщился. – Это ж апостолы.

– Апостолы?!

Даже у меня брови взлетели вверх.

– А чего ж у них над головой свастика изображена?

Ну ты и тормоз, Палермо! Неужели неясно...

– Вот это да! Кто-то приколотся по-черному, – наконец до него дошло. – Не иначе сатанисты какие-нибудь.

– Да ладно, брось строить из себя исусика, – Кондрат скривился. Затем вновь с интересом впился в экран. – Смело, а главное, оригинально. В такого бы бога я верил. Ведь бог – это просто бог, а не кукла, набитая молитвами и соплями. И рожки его не портят. Ну, так я говорю, пацаны? Свой бог – с рогами их...

– Перестань, Кондрат, противно слушать! – не выдержала Ален. Губы ее нервно дрожали. Я отвернулся. Вдруг почувствовал, как мурашками покрываются руки и кожа на спине. Бр-р!

– Эрос, а ты чего молчишь? – Кондрат не иначе как решил взять меня в союзники. Как же, губу раскатал! – Блин, он уже кому-то глазки строит! Во народ! Ладно, сворачиваем... Постой, сначала прочтем, чья эта фишка. Та-ак...

„Новая икона, – я медленно разбирал мелкий шрифт. – Школа современного искусства Авдея Тер-Оганяна“. Еще и армянское имя. Нет, мне оно ни о чем не говорило, никого не напоминало. Зато икона и вправду была не в бровь, а в пах.

Обескураженный, я задумался, оступившись в колдобину, вымытую беспокойными моими мыслями... К действительности, душевной и злой, меня вернул голос Кондрата. Распалаясь все сильнее, буквально смакуя каждое слово, он читал, точно проповедовал:

–. Хочешь вернуть бога в свою душу? Признай его равным. Будь храбрым! Не бойся сделать ему больно. Сократи дистанцию. Представь его без святых атрибутов. Надели его земным и грешным. Не бойся осмеять его. Земное делает его смешным. Бог, над которым ты способен смеяться, – твой бог. Аминь!»

Кондрат затих на минуту-другую, словно сам переваривал сказанное. Или, может, ждал и боялся божьей кары... Но нет – страха ни в одном глазу! Вскинул на нас черные очи, по очереди осмолит горящим взором.

– Ну, кто готов сейчас же стать членом Церкви смешного Христа?

– Сразу скажу, Кондрат, мне это не близко, – как мне ни было трудно, я не отвел взгляда от его дьявольских глазенок. А он убрал, не выдержал. Зато попался Палермо.

– Я вообще атеист, – ни с того ни с сего брякнул он. – Кондрат, нам что, больше заняться нечем? Надоела бредятина эта! Выходи отсюда, ты прямо смакуешь ее... эту...

– Заткнись! Достали твои слюни! И твои тоже... Эрос. Среди вас лишь один нормальный пацан... Ален. Что, Ален, рискнем?

– Что, Кондрат? – она как будто не поняла, к чему он ее подталкивает. Чувствуя, как холодный озноб охватывает мое тело, я машинально потянулся к пачке сигарет, спрятанной в кармане джинсов. Но Кондрат расценил мой жест, как попытку поддержать Ален, – не глядя, он ловко перехватил мою руку. Я так и застыл, словно пойманный на горячем.

– Хочешь, членом... стать? – не отпуская моей руки, Кондрат вновь начал подкрадываться к Ален, как хищник, во что бы то ни стало решивший свалить свою жертву. – Вернем бога в наши души?

– Ну, – она опустила глаза. Казалось, они намертво прилипли к компьютерному столу.

– Так что, Ален?

– Давай!

Она вскинула свою чудесную головку... Я во все глаза уставился на нее. Боже, я совсем не знаю ее. Ален – смеялась! Беззвучно, зато попадая точно в цель. Ален – мое роковое проклятье!

Палермо предпринял отчаянную попытку спасти ситуацию. И спастись самому. Как в эту минуту он был смешон.

– Да вы что?! Перестаньте, ребята! Давайте-ка на посошок бахнемся в «контра страйк»?

– Слушай, Палермо, вали отсюда! – Кондрат в ярости отбросил прочь мою руку. – Никто тебя насильно не тащит. Атеист хренов.

– Ну и черт с тобой! – Палермо с облегчением вздохнул. Потом на меня посмотрел. С надеждой посмотрел и прямо с собачьей тоской. – Пошли, Эрос.

На секунду закрыв глаза, я отрицательно покрутил головой.

– А ну вас!

Палермо ушел. По-моему, даже хлюпнул носом.

– А ты чего остался? – криво усмехнувшись, Кондрат вдруг обнял Ален за плечи – та даже не шелохнулась.

– Я отвечаю за Ален.

– С чего это?

– Потому что... люблю ее.

– Спасибо, Эрос, – одним движением, не злясь и не кокетничая, Ален скинула руку Кондрата.

– Я обожаю тебя.

Глаза Кондрата на миг затуманились, складки губ стали жесткими, как у мертвого Ленина... Потом очи его вновь вспыхнули, загорелись знакомым волчьим огнем – меня он одновременно пугал и манил. Сколько же все-таки в Кондрате драйва! Мне, Эросу, так недостает его – природного, волчьего драйва.

– Ладно, начали, – сам себе скомандовал Кондрат и кликнул по ссылке «Новые прихожане». Ссылка имела вид небрежно свернутого свитка. Хм, будто контракт с дьяволом собираемся подписать, – тотчас родилось сравнение – я невольно поежился.

– «Распишитесь кровью или поставьте свастику на свободной иконе», – Кондрат прочел короткую инструкцию. С полминуты возил мышкой по Церкви смешного Христа. Нашел три чистых, не испачканных богохульниками иконы. Богохульники тут же нашлись – мы.

– Ну что, теперь мы одной ниточкой повязаны, – Кондрат потер руки, переживая прямо-таки черное удовольствие от сделки с неизвестным сатаной. На нас с Ален лучше было не смотреть – так мне казалось в ту минуту.

Кондрат не видел или не хотел видеть нашей иудовой слабости, яблоками позора проступившей на лицах. Нет, я ни в чем не раскаивался – поздно было. Зато Кондрат разошелся не на шутку. Таким его я давно не видел: глаза выпучил, изо рта жидкая ярость брызжет... Он заводил себя, подобно монаху, что хлещет себя кнутом по спине за свои же грехи.

– Мы сделали одолжение богу – признали его! Мы сократили дистанцию! Теперь он такой, как мы!..

– ... А мы – такие, как Он, – неразборчиво выговаривая слова, добавила Ален. Взгляд ее, до этого момента потухший, вдруг засветился, как глаза у ожившего Терминатора.

– А как же! Круто! Поправка! – Кондрат хлопнул меня по плечу, заглянул в глаза – и презрительно сомкнул губы. – А ты чего скис, Эрос?

– Голова чего-то разболелась, – я внутренне усмехнулся собственной лжи – жалкой и глупой.

– Слабак ты, Эрос, – Кондрат снова улыбался – безжалостно, как мог улыбаться, наверное, он один. – И за что только любит тебя Ален?

3

...Интернет – сосуд, в котором сообщаются наши желания... Без оглядки, не раздумывая и ни о чем не жалея, я расставался со своими желаниями. Ясно ощущал, как убывают они, как беззаботно шумят, подобно вешним ручьям, наконец вырвавшимся из-под ледяного панциря. Разум никак не препятствовал бегу моих желаний: ведь я был железно уверен, что взамен получу нечто большее, необыкновенное, чего я никогда не желал. Возможно, потому что не подозревал о существовании этого нечто, недалекий, обходил его вниманием или просто-напросто не готов был его возжелать – не достоин желать. Но как бы там ни было, я был, повторяю, железно уверен, что новые желания, как новые надежды, неизменно преобразят меня, круто изменят мою дальнейшую жизнь, уведут с дороги, уже успевшей стать похожей на заезженную колею, – уведут в другие миры. Я добровольно расставался с желаниями, как нежилец отпускает кровь из вскрытой вены, надеясь избавиться от вечного стыда и тревоги... Интернет – сосуд, где сообщаются наши желания. Однако время шло, а я так и не получил ничего взамен. Напрасно истекая желаниями, порядком обессиленный, едва-едва справляющийся с приступами тошноты, я схватился за виски. Их нестерпимо ломило, ломало, в них беспрерывно тикало и звенело, словно там шел отсчет последних моих желаний, словно там, угрожая и кляня, надрывался телефон...

Опустошенный утренним кошмаром, чувствуя под мышками предательскую влагу, я опустил ноги с кровати. На будильнике 7.34. Черт, кому я понадобился в такую рань? Неловко двигая затекшими ногами, прошлепал в прихожую, чтоб раз и навсегда задуть телефон.

– Эрос, проснись! Тут такое творится! – с первой секунды Палермо не дал мне опомниться – волна тревоги ринулась накрыть меня с головой. Напрасно: я все еще находился под впечатлением сна. – Вчера Вовку Проуна убили! Ты представить себе не можешь...

– Да ну? – я не удержался от зевка. Голос Палермо, казалось, мне снится... Впрочем, мне дела не было до смерти Проуна; для меня он всего лишь знакомое имя. Тем не менее я вежливо спросил: – Нашли, кто убил?

– Куда там! Менты за голову хватаются!

– Еще бы, папик у него вроде из...

– Нашли Проуна на Басах с проломленной головой.

– Нда-а, хорошего мало, – я должен был что-то сказать. Ну не посылать же Палермо за то, что он поднял меня ни свет ни заря! Хм, разбудил из-за чьей-то смерти. Ладно бы хоть заметный пацан пропал. – Хоть Вован и бандит был, жаль пацана.

Я внезапно иссяк. Ужас сюрреалистического сна окончательно развеялся, чужая смерть абсолютно не тронула. Вдобавок нестерпимо захотелось в туалет.

– Чего замолчал? – не выдержал Палермо.

– Так. Вечером куда пойдём?

– Не знаю еще. Наверное, опять в Склеп.

– Что, снова на «Сайт мертвых»?

– Не поверишь, тянет, – шепотом признался Палермо. Ну и слышимость сегодня по телефону – зловещая.

Я подумал, но врать не стал.

– И мне страшно, Палермо. Оттого что тянет туда.

Любопытство – страшная вещь. Страшней красоты. Войдя на www.viorah.com, любопытства ради щелкнули по ссылке «Некрологи». Меня тошнило от заздравий и тостов, пожелания покойникам еще забавляли. Это ж надо было кому-то придумать назвать гостевую книгу некрологами!

Мы углубились в чтение. И в самом деле забавляло. Щелкнешь по имени или нику, а там хохма вроде этой: «Жорж Клон. Жорик, вертись на том свете, как ты вертелся в этой жизни. Бойся ментов и налоговиков. Они там тоже есть. Верка и кореша». Ну, чем не приколы? «Сашечка Самсоненко. Боже, Саша, какая нелепая смерть! Как ты могла нас оставить?! Забери нас с собой! Мама, Ньюша и Федор... Железный Клоп. Разбился на мотике. Прощай, братан! Колян... Мировая Дура... Славик, Дизайнер бабских сисек... Соленый Кот... Вован Проун... Косолапый Лелик...»

– Стоп! Проун! – я машинально ударил Палермо по руке, управлявшей мышкой. – Это интересно.

– Пусто, – Палермо разочарованно пожал плечами.

– Хм, только даты рождения и смерти. 11 августа...

– Ну, так оно и есть: вчера ж его и убили.

– Постой, а откуда здесь взялась... эта запись? – я прямо-таки обалдел от открытия. – Это что же получается...

– Кончай, ты мистика-то из себя не строй! – неожиданно грубо оборвал меня Палермо. Неужели и до него дошло? – Взялась – и все тут!

– А ты мне рот не затыкай, понял! – я мгновенно завелся, почувствовав себя уязвимым. Но главное, мне стало страшно за...

– Эрос, нужно проверить!

– Как раз это я и хотел сделать. Ну-ка, найди его могилку, будь она неладна!

– Вы чего это, мальчики? – раздался вдруг голос Ален. Мы разом оглянулись – ее глаза подозрительно блестели. Кондрат похабно ухмылялся, левая его рука и правая Ален были скованы наручниками.

– Твоих рук дело?! – не в силах больше сдерживать себя, я накинулся на Кондрата.

– Охренел совсем! – продолжая ухмыляться, теперь уже злобно, Кондрат попятился. – Я привел тебе Ален... на дознание. Не хочешь заглянуть ей под юбку? Целомудрие просит политического убежища.

Кретин, о чем это он? Мы не клялись с Ален в вечной любви.

– Но кто-то же приколотся над Проуном! Прямо как мы.

– Что? – Ален вмиг побелела, вскинула было руки к лицу, да правую наручники не пустили. – Андрюша?!

– Ну-ну, разорались тут, – Кондрат процедил сквозь зубы. – Не гоните пургу по чем зря, ясно?

– Все равно нужно проверить, – упрямо гнул свое Палермо. Молодец, парень, ценю.

– И правда, нужно проверить, – поддержала Ален. Глаза ее больше не блестели, они высохли, как две вчерашних лужи.

– Валяй, – все так же сквозь зубы согласился Кондрат. Куда бы ты делся, урод! В эту минуту я жутко возненавидел его. Боже, неужели я ревновал его к Ален?

По кладбищенскому каталогу разыскали будущую могилку Андрюшки Карпова. Нет, ну надо ж такое придумать – будущая могила!

– Завтра, – я как баран уставился на экран.

– А завтра точно тринадцатое? – дурашливым тоном усомнился Кондрат. Никто на него даже не взглянул.

– Нужно сообщить ему, – не подумав, предложил Палермо.

– И что ты ему скажешь? – я тяжело вздохнул – моя ведь была идея с Андрюхой. – Что мы назначили ему дату смерти?.. Он нас на хер пошлет!

– Да вы что, мужики?! – Кондрат вытаращил на нас глумливые свои глазки; Ален как-то уж слишком обреченно поникла головой. – Фигней занимаетесь! Это ж простое совпадение!

– Что совпадение?! – я пришел бешенство. – Смерть Вована и запись в его «некрологе»?!

– Отвечаю: это просто черный прикол, – Кондрат не сдавался, правда, от мерзкой улыбочки его и следа не осталось.

– Боже, Андрюшка, я же раз целовалась с ним! – запричитала было Ален, но я больно дернул ее за руку.

– Прикол, говоришь? А что ж тебя так колбасит? Зуб на зуб не попадает? Кондрата и в самом деле трясло, как от простудной лихорадки.

– Надо выпить, – глухо предложил он.

– Надо, – согласно кивнул Палермо. – Сначала Андрюхе позвоню.

– И что ты ему скажешь?! – опять взвился я.

– Эрос, ты не прав, пусть позвонит, – заступилась Ален.

– Узнаю, как дела, – совершенно спокойно пояснил Палермо; видно было, что ему до одного места моя истерика. – Где здесь телефон?

– У менеджера, – Ален с торопливой готовностью кивнула в сторону входа в Склеп.

Палермо звонил, наверное, вечность. Мы жгли взглядами его чуть согбенную спину, торопили мысленно и вслух: «Палермо, что ты там тормозишь?!»

– Ну что? – с напускным равнодушием – слишком напускным – спросил я. Первым спросил.

– Нет его. Мать говорит, в Харьков уехал. Завтра рано утром возвращается.

– Ну и слава Богу! – с облегчением вздохнула Ален.

– Ты думаешь, он тебя слышит? – не удержавшись, ехидно заметил Кондрат.

– Не богохульствуй, понял! – вновь заводясь, рыкнул я.

– Достали вы меня, – отмахнулся Кондрат; затем нехорошо сузил зрачки. – Вижу, Эрос, ты уже успел забыть...

– О чем? – я не решался взглянуть ему в глаза – знал, что он сейчас скажет.

– Как же ты быстро отсекся от двух богов. От таких разных богов.

– Сволочь! – я схватил Кондрата за грудки, но уже в следующую секунду Палермо оказался между нами.

– Пойдем выпьем, – он хрипел, как испорченный телефон.

Мы изрядно набрались в тот вечер. По-моему, даже не заплатили за последнюю бутылку портвейна – вслед нам какой-то мудака выкинул из кафе сумку Ален. Сумка сплошь была в бордовых пятнах, от пятен мерзко несло сивухой... Ален стало дурно тут же рядом, на троллейбусной остановке. Ален так дико рвало, что бабки, в столь поздний час еще торговавшие семечками, не рискнули вякнуть в ее адрес. Кондрат, платком вытерев ей лицо, увез домой на такси. Сволочь, он так и не открыл тех дребаных наручников!

Палермо сильно шатало, мне мерещился в каждом встречном парне мертвый Проун. Маршрутки все не было.

– Что ты об... всем этом дум... думаешь? – едва ворочая языком, сказал Палермо.

– Говно, – просто ответил я, пьяным взглядом всматриваясь в ночную даль. Черт, кого я там хотел подогнать?

– Ик, и мне не нравится, – икнул Палермо и обреченно покачал головой. Ну точно китайский болванчик.

– Не знаешь, чего Андрюха в Харьков подался? – зачем-то спросил я.

– Мать его сказала, на Барабашовский рынок, за дубленками – себе и сестре. В августе дубленки самые дешевые.

– Все равно с деньгами поехал, – автоматически вывел я.

– Что значит, с деньгами? – Палермо уперся в меня хмельными очами. На моих глазах взор его неумолимо трезвел и гас, подобно всем звездам мира, что потухнут через четыре часа, на рассвете. Тогда – я вспомнил – приходит из Харькова поезд.

– При чем тут деньги? – давно все поняв, повторил Палермо. Он хотел, чтобы я его обманул... Но я заорал как ненормальный:

– Говорю же: говно!!

– А что ты теперь можешь исправить?! – вопил в ответ ошалевший Палермо.

– Не знаю, – комок встал в горле, еще шаг и я расплачусь, как последний пацан. Еще шаг к осознанию полного своего бессилия...

– Стоп, по идее...

Что-то пришло мне на ум, какая-то мелочь, но я решил за нее зацепиться. В эти минуты даже собственный страх можно было принять за единственную соломинку.

– Не помнишь, был ли там сервис «Вытереть» или «Отменить»?

– Какой еще сервис? – не сразу догнал Палермо. Ему захотелось помочиться, и он прицелился пенисом в ближайший каштан. Не смея отвести взгляд от быстрой струи, я пожалел, что нельзя так же легко избавляться от ошибок и глупых мыслей. От наших дурацких поступков.

– Блин, Палермо, вспомни, ну там, где мы заносили год рождения и... фамилию Андрюхи – была там такая команда?

– «Отменить», что ли?

– Ну да!

– Кажись, была, – неуверенно протянул он.

– Тогда летим в Склеп! – я схватил его за рукав. Но Палермо, неожиданно выпучив на меня рыбы глаза, зло вырвался, махнул рукой, силясь достать меня по лицу, – не достал; потом, повернувшись, побежал прочь, крича на ходу:

– Нет, я сегодня не могу! У меня сегодня мальчишник!

Господи, во что же мы вляпались?! Образ Бога испохабили, поклялись невесть кому и друга приговорили. Кто наделил меня такими желаниями, кто?! Весь мир наш – сплошной сайт мертвых, где всякий роет себе и другому могилу.

При входе в Склеп менеджер, несший ночное дежурство, не хотел пускать меня: мол, машины все заняты. «Отвали», – я грубо оттолкнул его; «уйди», – дрожащими губами попросил убраться тринадцатилетнего пацана. Наконец сел за компьютер.

Не попадая по клавишам, не сразу ввел адрес сайта. Господи, хоть бы там был этот чертов сервис – «очистить», «удалить», «оскопить», «аннигилировать»! Ну, чего ж он так долго грузится!

Ну!.. «HTTP Ошибка 403 – Запрещено. У вас нет прав для просмотра этой страницы. Возможно, просмотр этого каталога или страницы с использованием указанных вами личных данных не разрешен».

У меня хватило сил прочесть все это. Потом в глазах поплыло... Черт, только этого не хватало! Черт!! Я саданул что есть мочи по клавиатуре – на меня даже не глянули. Наверное, подумали, что у пацана от игры крышу рвет. А у меня и вправду рвало крышу...

Что же ты, Господи? Будь Ты... будь я проклят! Не уйду, я не уйду отсюда! Живым не уйду, пока не дожусь. Я обязательно дожусь, когда он заработает, когда Он пустит меня. Держись, Андрюха! Господи, возьми меня, а его – нет...

4

Я убил его. Стоило мне поверить в это и испытать первый страх, как сразу после него – может, наоборот, спустя несколько часов, неконтролируемых, ненаблюдаемых моим убитым горем сознанием – возникло новое ощущение. Я вдруг почувствовал, что теперь все можно. Мне – все можно. Но об этом никто не догадывается. Ведь следом за вторым я немедленно испытал ощущение «три», еще более необычное, фантастическое, чем предыдущее. У меня даже дух захватило! Словно я ушел от всех, оставив вместо себя фантом – того «я», который не убивал. Я ушел... а теперь не могу вернуться назад, туда, где не убивал. Зато там, где я сейчас, кроме меня – никого. Абсолютная пустота, абсолютное одиночество. Потому-то и смысла нет во вседозволенности: зачем мне мочь все, если вокруг меня – никого. Я сразу далеко ушел – зашел далеко. В область недозволенного. И теперь, мысленно обернувшись, похоже, даже стоя на какой-то возвышенности – если, конечно, меня не обмануло четвертое ощущение, – с некоторым удивлением взирал на оставшихся далеко позади. Так, наверное, душа наблюдает за покинутым телом. Ей, душе, наверное, так же пусто и...

Боль пришла позже. Не знаю, когда точно – я по-прежнему не смотрел на часы... Я вообще ни на что не смотрел! Так резануло по сердцу. Больно!! Боль газонокосилкой проехала по мне изнутри, выкашивая, казалось, последнее, что осталось во мне человеческого, – чувства, желания, совесть... Боже, я убил Андрюшку! Что я наделал?!.. Кто-то скомкал мое лицо, как грязную салфетку, и выдавил щедрую, но никому не нужную боль. Я плакал, уткнувшись лбом в шершавую стену Андрюшкиного дома...

13 августа Андрюха Карпов не вернулся из Харькова. Не приехал он и 14-го, и 15-го... Мне рассказывали, что родичи Карпова погнали в милицию, наши менты вроде как связались с харьковским УВД... Не знаю. Какое теперь мне дело, если я не могу ничего изменить. Ни одной живой душе не по плечу такое – изменить судьбу.

Это значит, он никогда не вернется. Боже, что я наделал! Я убил его!!

5

– ...Бред! Это все твои поганые, слюнявые рефлексy не дают тебе жить. Борись с рефлексами, Эрос! Они неверно отражают наш мир. А твои так тем более. Слишком чистенькие они у тебя, твои рефлексy, и... зубастые. Да-да, зубастые! Ты носишься с ними как с писаной торбой, а они тем временем выгрызают тебя изнутри, пудрят ядом мозг, выставляют тебя на посмешище. Но я же помню: ты всегда хотел стать сверхчеловеком, Эрос!

Кондрат Гапон ясно выражал свои мысли, несмотря на набитый рот. При этом он причмокивал и урчал, издавал чавкающие, хлюпающие, пошлые звуки... Палермо отчего-то покраснел и отвернулся. Эрос тупо цедил водку из пластикового стаканчика – набрав полный рот, выплевывал обратно. Ален с недвусмысленной улыбочкой хихикала. Зато дамочка через два столика от компании юных лоботрясов – немолодая, но прилично одетая тетка – с откровенным вызовом таращилась на Кондрата. А тому хоть бы хны. Гапон упражнялся в назидательности и одновременно деловито обсасывал кость. Как пес, который лает на прохожих, но добычи своей не выпускает. Где он взял такую громадную кость? В обычной-то рюмочной, где, кроме тошнотиков или дешевых бутеров с линялой колбасой, другого закусона не сыщешь...

– Ну, так как, Эрос? Ты сверхчеловек или кусок мяса, по собственной воле отданный на съедение собственным же рефлексам? – Кондрат, похоже, решил окончательно достать приятеля, битых девять дней находившегося в прострации. Зацепив длинным ногтем правого мизинца, Кондрат ловко выудил из кости толстого мозгового червя. И тут же слизнул его.

– Он всего лишь мой любовник. Его главный рефлекс – любовь ко мне, – ни с того ни с сего Ален решила заступиться за друга. Видимо, ей надоел этот дурацкий разговор и оскорбления в адрес Эроса, которого она и в самом деле любила. И любви ни от кого не скрывала... Вдруг точным движением руки Ален выхватила у Палермо крабовую палочку, которую тот уже собирался было сунуть в рот. – Как такое можно есть?! Не делай больше такого, Палермо! У этой штуки совсем другое назначение. Я, к примеру, использую ее вместо «тампакса».

– Это крабовую-то палочку? – недоверчиво хмыкнув, Палермо покрутил бритой своей головой. – Ты что, девственница?

И все – никто не рассмеялся, не воспринял всерьез Аленину шутку. А она так хотела отвлечь ребят...

– Заткнись, Ален! – зло грохнув костью об стол, рявкнул Кондрат. – Не видишь, один пацан хочет вылечить другого?!... Эрос, заставь свою нервную систему управлять рефлексами, – вновь повернувшись к Эросу, Гапон продолжил поучать его. По дрожащим Кондратовым губам видно было, что парень изо всех сил борется с гневом, внезапно вспыхнувшим в нем. Вот ему удалось овладеть собой. – Стыд и боль из-за мнимого убийства, гребаная вина, которую ты чувствуешь сам и выплескиваешь на нас, как ведро с дерьмом, – чистый, вернее, наоборот, классический грязный рефлекс. Ты реагируешь на мир как последний интеллигентшишка, находящийся под вечным давлением культуры и моральных устоев! Этих навязчивых ложных проблем, вытеснивших из нас все живое, все человеческое! Вспомни, Эрос: белые облака – это всего лишь белые облака, а чья-то смерть – если даже допустить, что она все-таки имела место – это всего лишь чужая смерть. Не рефлексируй, Эрос!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.